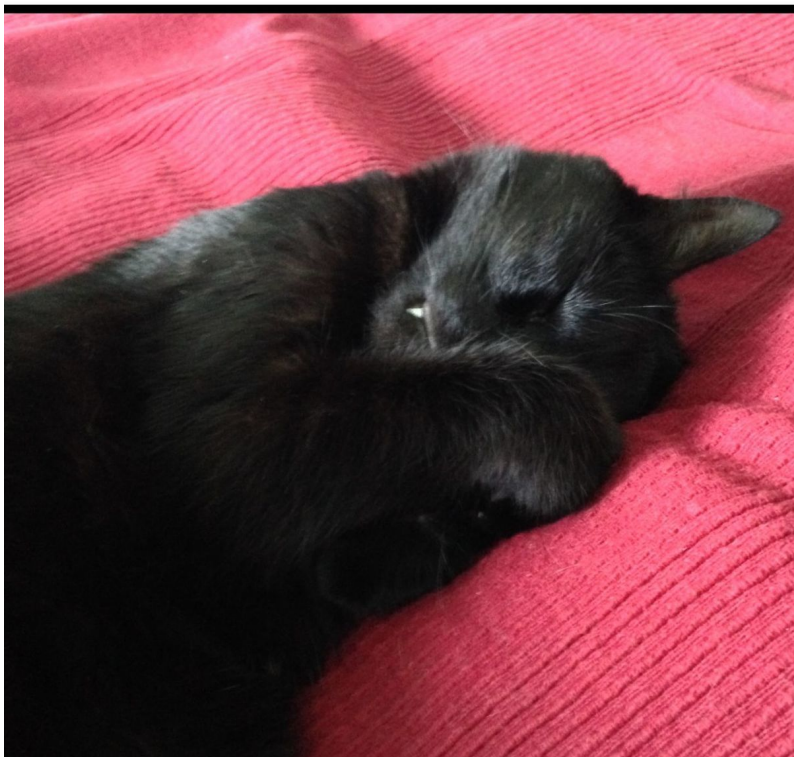

МИХАИЛ ХРИПИН

Меня разбудил кот

Михаил Хрипин

Меня разбудил кот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7321669

ISBN 9785447400170

Аннотация

Десять рассказов, фантастических и не очень, написанных в разные годы. Пришельцы, альтернативная реальность, экстрасенсорика и просто душевные истории.

Содержание

Меня разбудил кот	5
Небо	7
Пробуждение	10
Тепло	28
Чутьё	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Меня разбудил кот

Михаил Хрипин

© Михаил Хрипин, 2019

ISBN 978-5-4474-0017-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Меня разбудил кот

Меня разбудил кот и сказал:

– Мне надоело, что ты ведешь себя как идиот, работая до утра, а потом смотришь во сне весь этот бред и целый день ходишь убитый. Поэтому сегодня ты будешь делать, что я скажу.

– Хорошо, – ответил я, вежливо подавляя зевок.

– Тогда сейчас ты встанешь и дашь мне поесть, а потом вернешься и будешь спать столько, сколько в тебя влезет. Пока кости ломить не начнет. Ты не будешь смотреть на часы, не будешь ставить будильник. Ты сегодня никуда не пойдешь, спортзал и магазины подождут.

– Ладно, – согласился я. Идея показалась мне стоящей.

– Потом ты проснешься и как следует поешь – тебе потребуются силы. Ты не будешь включать телефон, не будешь включать компьютер. Ты вымоешь посуду, а потом займешься уборкой. Ты подметешь и вымоешь пол, потому что я уже спотыкаюсь везде о наполнитель из моего лотка. Ты вытрешь везде пыль, даже в тех местах, о которых не знаешь, потому что я там уже побывал. Ты соберешь липким роликом мою шерсть, потому что иначе скоро придет хозяин квартиры и выгонит нас, а мне здесь уже нравится. Ты постираешь накопленное белье, потому что ты уже задолбал. Потом ты побреешься, потому что на тебя обосраться как страшно смот-

реть. Потом ты вымоешься, потому что мой нежный кошачий нюх уже контузит. Потом ты уберешь за собой ванную, иначе я не смогу в ней лежать, когда жарко. Потом ты снимешь высухшее белье, погладишь и уберешь в шкаф, иначе мне там не на чем спать.

– Договорились, – сказал я, начиная проваливаться в здоровый дневной сон.

– А потом ты сядешь и напишешь всё это, иначе все подумают, что ты сходишь с ума, ведь коты на самом деле не умеют говорить.

2012 г.

Небо

Баня стояла в дальнем конце участка. Мишка спрыгнул с крыльца в весеннюю слякотную кашу тропинки. Тихий послезакатный ветерок шевельнул непросохшие вихры. Обогнув клумбу с тысячей спящих нарциссов, мальчик пошлепал к дому.

Ветви старой березы гнуло к земле грузом набухших почек. Мишку осторожно погладило по макушке. Он запрокинул голову.

На него упало широко распахнутое небо. Кристально чистое, ослепительно-черное, оно призывно подмигивало в полной тишине. Мишка втянул ртом полную грудь прохладного воздуха. Тончайшее эхо космического холода пробежало по спине. Закружилась голова.

Из-за острой вершины ели, растущей в лесу за баней, выплыла звезда. Средней величины, средней яркости, незатейливо белая, она была самой притягательной частью раскинувшегося над головой великолепия. Звезда шла медленно, крадучись, но даже это неторопливое движение показалось Мишке событием исключительной важности, ведь все остальные терпеливо сохраняли предписанную астрономами структуру созвездий.

Ну какой же это спутник? У спутников антенны, они круглые и пищат. И не самолет это вовсе. Самолеты огромные,

серые, пролетают с ревом, задевая елки тяжелым брюхом.

Межзвездные пилигримы, галактические скитальцы, путешествуют по вселенной, запрягая звезды, меняя их на станциях возле черных дыр.

Открытие захватило воображение Мишки. Трудно было устоять перед такой простой и такой всеобъемлющей правдой. Он ощутил слабость в ногах.

Они едут на неприметной телеге по колее Млечного пути, завихряя туманности, прислушиваясь к разноголосице пульсаров. Из кластера в кластер, через подворотни спиральных рукавов.

Мишку всасывало небо. Оглушало, скручивало, тащило за волосы. Дом, баня, клумба, деревья – все кружилось в пьянящем хороводе. Голова раздувалась, словно коричневый карлик, спешащий стать сверхновой, пыталась удержать масштабы явления, которое и словами-то не опишешь.

Звезда мимоходом пересекла Большую Медведицу и двинулась в сторону Кассиопеи. Полярная звезда ее совсем не заинтересовала. Мишка был полностью согласен: что можно делать на Полярной звезде? Там ведь, наверное, так холодно!

Мальчишку переполнял восторг. Жаркая волна поднималась от дрожащих колен, обжигала замершее сердце, рвалась с языка беззвучным стоном. Мишка поднялся и поспешил домой, чавкая сапогами, скользя по раскисшей дорожке.

Когда вбежал в дом, сияя блаженной улыбкой, мать посмотрела на него и молча покачала головой. Сердце Мишки

сжалось. В этот миг он передумал: появилась идея получше. Мать ушла в комнату и вернулась с чистой одеждой. Губы плотно сжаты, в глазах смирение и обреченность. Она протянула вещи Мишке и махнула рукой в сторону бани. Когда закрылась дверь, мать тяжело вздохнула и вернулась на кухню.

Прижимая сверток к заляпанной куртке, Мишка выскочил на крыльцо.

Если она еще там, если не успела скрыться, задержалась на полустанке, может быть, он успеет подать знак.

И тогда они возьмут его с собой.

2008 г.

Пробуждение

"Евангелие истины" (1 век н. э.) открыто объявляет историю кошмаром... Для этих первых христиан, как и для буддистов, пробуждение буквально означало выход из этого кошмара. В нашей терминологии это слово означает исправление программы, которая заставляет нас действовать и воспринимать окружающий мир как плохо (неправильно) собранные роботы. Пробудившись, мы смогли бы увидеть совсем другой мир.

Роберт Антон Уилсон. «Прометей восставший. Психология эволюции».

Не поверит мне никто, да и как в такое поверить? Помню свою первую попытку:

– Мама, а почему у тебя в голове дерево?

– Какое дерево, сынок, что ты придумываешь? Выдумщик ты мой маленький!

Ну что тут дальше говорить? Была, конечно, и вторая попытка, и третья. Вторая – это когда я попытался объяснить последствия пробуждения. А после третьей я потерял надежду на обустройство личной жизни. Так и остался одиноким бог знает кем. Или черт знает. Я так и не разобрался, смирился просто.

Одно время пытался теорию под это подвести, читал вся-

кую макулатуру. Но что толку от жонглирования словами вроде «аура» или «шестое чувство»? Дерево – оно и есть дерево, и никак иначе не описать то, что я вижу.

Оно соткано из светящегося тумана, переливается всеми оттенками теплоты, сверкает и слегка колышется. И растет у людей в голове. Корни голубовато-белесые, словно струйки сигаретного дыма, ствол наливается лимонной желтизной, весь в прожилках, а крона полыхает сочным оранжевым. Но самое замечательное – это цветы. Они встречаются очень редко, почти никогда не вырастают достаточно крупными, но если уж они есть, дерево сверкает алыми вкраплениями драгоценных рубинов. Восхитительное зрелище, любоваться бы им бесконечно! Наверное, потому я и был таким спокойным ребенком, как рассказывают родители. Всегда внимательно смотрел в глаза.

Когда я увидел цветы в первый раз, потрясение было очень сильным. Посильнее, наверное, чем когда осознаёшь, что стал взрослым. А немного позже я задался вопросом: а что произойдет, если цветы отцветут? Долго бился над этой загадкой, не было у нее красивого решения. Но упорство и труд все перетрут, а упорства мне было не занимать. Что еще тут остается? Искать простым перебором. Хорошо еще, что народу в городе, где я живу, столько, что иной раз не протолкнуться. Вот и сверлил затылки всем подряд, как древний золотоискатель песок просеивал.

Нашел, конечно. Не так уж и редко они попадаются, как

оказалось. Но результат меня не порадовал. Вместо шикарных пламенных соцветий висели мутные сгустки, словно впитывающие энергию дерева, делая его тусклым, грубым. Это показалось неправильным до отвращения. Я не находил себе места, будто обманутый ребенок, метался в растерянности, не знал, куда приткнуться. Все было чужим, испорченным. Но все решил случай.

Я натолкнулся на прекрасный экземпляр, цветы были огромными, набухшими, готовыми сбросить непомерной тяжести лепестки. И я уловил в тот же миг некую силу, которая заставляла меня предпринять что-то очень важное. Я смотрел и смотрел, пока чувство не окрепло, а потом словно фотовспышкой высветилось решение.

Это был паренек одного со мной возраста. Мы стояли на остановке, ждали автобус. Привалились спиной к стене, я – чтобы удобнее наблюдать, он – о чем-то напряженно думал. Вокруг толпа, всем безразлично, а я не чувствовал ни страха, ни стеснения. Я потянулся к нему, легонько хлопнул по плечу и сказал:

– Все нормально.

Трудно было смотреть сразу и на него, и на дерево. Но мне было ясно, что должно случиться нечто важное, и я попытался увидеть все вместе. Он поднял глаза – в них уже зарождался огонек возмущения, – но замер, оцепенел, и секунду сидел неподвижно. А передо мной разыгрывалась удивительная сцена. Дерево взорвалось алыми брызгами, лепест-

ки вспорхнули, словно птицы, и медленно стали опускаться, вальсируя и играя друг с другом. А там, где красовались роскошные цветы, уже набухали плоды, еще едва различимые, но совсем не похожие на серую муть. Будто пойманные в прозрачную оболочку частички радуги.

Паренек начал приходить в себя. Неуверенно заморгал, глядя на меня непонимающе, пытаюсь спросить о чем-то. Я и рад был бы ответить, но как я мог объяснить? Я лишь знал, что поступил единственно верно. По телу разливалось блаженство, а мой небогатый жизненный опыт даже не позволял подобрать толковое сравнение для охватившего меня чувства. Сила, принуждавшая сделать этот шаг, ушла, меня ничто не держало в этом месте. Хотелось все осмыслить в тишине, в одиночестве. И в то же время было понимание, что больше от меня ничего не требуется.

Он так и не спросил меня. Весь как-то обмяк, привалился снова к стенке, но я точно знал, что передо мной совсем иной человек.

Я назвал это пробуждением. Я до сих пор не понимаю, почему это действует и как. Но я знаю, что обязан так делать всякий раз, когда мне предоставляется возможность.

После этого случая меня долго преследовала тяга к витринам. Проходя мимо, не мог удержаться, всегда бросал беглый взгляд – не появилось ли дерево в моей голове? Но факт оставался фактом – единственным человеком на свете, лишенным дерева, был я сам. Утешал себя избитыми глупостя-

ми вроде сапожника без сапог, но помогло другое. Вообразилось мне, что я, должно быть, некий инструмент для пробуждения. А если рассуждать логически, то с чего бы это инструменту задумываться о своей природе? Так я и перестал заглядываться на себя. Инструменту думать некогда, он работать должен.

Поздновато уже было, засиделись мы с пацанами в общаге. У Кольки день рождения, компания собралась небольшая, но отметили хорошо. Я привык к ребятам, до пробуждения им – как до луны, не то что цветов – бутонов не наблюдается. Здесь я мог не отвлекаясь предаваться радости общения, не беспокоясь о том, что внезапный призыв заставит бешено стучать сердце, ждать откровения о способе пробуждения, делать что-нибудь странное для постороннего взгляда. Да и не смог бы я после этого оставаться там, тут уже не до дружбы.

Не хотелось выходить под дождь. Приятно, конечно, скрючиться на подоконнике в переполненной комнатухе, слушать в пол-уха ленивую пьяную трепотню да смотреть, как колышутся апельсиново-яркие ветви. Но деваться некуда, пора домой. Хлюпало в темноте под ногами, текло за воротник, и вспомнилось, как вот в такую же мерзкую погоду приключилось со мной одно происшествие.

Одна из непонятных для меня вещей – как связано состояние дерева с самим человеком. Они ведь все передо мной,

куда ни посмотри. Но никакой зависимости. Знаю я человека, или нет. Молод он, или стар. Умен, или, как бы сказать, просто по-другому думает. Просто есть человек, и есть дерево. И если я вижу, что уже пора – меня ничто не остановит. Не могу я сопротивляться. Чем дольше это продолжается, тем сильнее ощущение, тем с большей жаждой я ищу нового случая, тем острее и сладостнее отзывается во мне эхо всплеска пробуждения.

Вот и случилось мне наткнуться на один из таких казусов, когда мозг сломаешь, а не поймешь, за что человеку такое счастье.

Добрел я тогда до родной подворотни, нырнул в темноту и сухость, даже притормозил немного, чтобы подкопить сил на последний рывок до подъезда. Почти полночь, фонарь как всегда не горит, даже не удивительно. Двор желтовато мерцал в переменчивом свете окон нижних этажей. В нашей подворотне есть странная дверь, в небольшой нише, никто не знает, куда ведет – она заперта навечно, словно заросла, не оставив швов. Я шел как раз мимо нее, как вдруг краем глаза поймал знакомое сияние. В нише стоял человек, и укрытие было бы идеальным, если бы его не выдавало дерево в крайней стадии зрелости. Я будто споткнулся на ровном месте. Секунду пялился на этот подарок судьбы, уже попав в цепкие объятия силы, помогающей мне совершать пробуждение. Сердце заколотилось, я с трудом разобрал слова:

– Шагай, куда шел!

Сказано было шепотом, резко, самоуверенно. Я никак не мог взять в толк, что от меня нужно. И, тем более, не мог сделать ни шагу. Казалось бы, знакомая ситуация. Обычно спрашивают прикурить, или как пройти в библиотеку, но чтобы заставляли уйти? Все это шевелилось где-то на задворках сознания, не влияя на мои действия, я лишь ждал момента, чтобы сделать то единственно нужное движение, или сказать слово, которое приведет к пробуждению. Я замер, как манекен.

– Слышь, придурок, чо непонятно? – Голос чуть не сорвался от возмущения. Все шло не так, как привык ожидать этот человек.

Мне уже стало ясно, что не потребуется близкий контакт, в этот раз хватит только слов. Я будто плыл в темноте к невидимой цели, как айсберг подкрадывался к Титанику, меня несло течением, в ушах гремело, виски пульсировали. Я шагнул к нему.

Из темного провала, шумно втягивая ноздрями воздух, выдвинулась мощная фигура. Хрустнули суставы сжатых кулаков. Мощные лапы сгребли меня за воротник, рванули вверх. Передо мной плыло дерево, багровые лепестки цветов уже подрагивали, готовились сорваться, если я не успею вовремя, если не пойму, что надо сделать. Если мне что-нибудь помешает. Мне грезилось, что я сам взлетаю, чтобы оказаться ближе. Я безотчетно верил силе, направляющей меня, не разбирая, что творится вокруг.

В лицо жарко дохнуло:

– Не зли...

Он отпустил правую руку, удерживая меня лишь левой, отвел плечо назад. Я зажмурился. Нет, я по прежнему не осознавал серьезности положения, просто мне, наконец, открылся способ и, как всегда в такие моменты, меня потрясла простота и невероятность того, что надо было сделать.

Он уже начал движение. Я шепнул:

– Качели.

Пудовый кулачище врезался в скулу, шея взорвалась острой болью, меня швырнуло к стене. Я сползал по штукатурке, медленно избавляясь от оцепенения, и неотрывно смотрел на метаморфозу пробуждения. Все происходило по знакомому сценарию, но я каждый раз умудрялся находить нюансы, будто смотря один и тот же спектакль каждый день, неизменно упиваясь игрой великих актеров.

Пожар в распухающем затылке вернул меня к действительности. Только теперь я понял, во что влип. Я заскреб ногами, пытаюсь подняться, скривился от боли, начал отползать на четвереньках. Мне нечего было опасаться этого человека, но его первые слова всплыли из памяти, и на волне эйфории от совершенного таинства я с необыкновенной скоростью просчитал варианты. По всему выходило, что надо поскорее убираться.

Я кое-как доковылял до двери подъезда, оглянулся – под аркой, словно в черной раме, виднелся силуэт неподвижно

стоящего человека. И ослепительным костром стремительно разгорались среди раскидистых ветвей созревающие сгустки радуги.

Я начал карабкаться по лестнице, полностью забыв о лифте. Хлопнула дверь, по площадке прошлепали шаги. Головная боль окончательно добила меня. Я ухватился за перила, вцепился обеими руками, чтобы не покатиться вниз, рухнул на ступеньки и отключился.

– Что ж творится, Господи помилуй!

Я с трудом разобрал причитания старушки, медленно приходя в себя. Меня уже уложили поудобнее, оторвали скрюченные пальцы от перил. Резкий запахшибанул в нос – нашатырь. Слезы брызнули из глаз, я дернул головой, снова попадая под удар притаившейся боли. Сознание прояснилось.

– Ну как, внучек, полегче?

– Спасибо, – выдавил я.

– Ты с последнего что ли?

– Угу.

– А чего по лестнице-то?

– Не знаю.

– Бедненький... Ну давай уж я, старая, подсоблю. – Она наклонилась, кряхтя, потянула меня за руку. – Никто ведь не высунется, ироды, сидят в конурах своих!

Она снова запричитала, перебирая каждого жильца на площадке. Я разлепил глаза. Ох уж эта зависимость! Стати-

стика чертова, которая все никак у меня не вырисовывается! У этого добрейшего, щедедушного божьего одуванчика, старушки, которая мне по пояс, так сгорбили ее годы, дерево – без единого цветка! Хоть бы маломальский бутон, и то была бы надежда. Но ведь я знаю – не успеет. Нипочем не успеет она дожидаться, когда я смогу отплатить ей так, как она того заслуживает. Что я могу дать сейчас? Деньги? Продукты? О здоровье справляться каждый день? Ей уже ангелы шепчут, куда уж мне соваться! И за что мне такое наказание?

Мы доволоклись до лифта, я ударил по кнопке вызова. Она отпустила мой локоть, скорее это я ее вел, чем она помогала мне. Но что творилось в моей душе! Я упал на колени, чтобы быть на уровне ее лица.

– Спасибо. Если бы я мог...

– Совсем тебе плохо, родимый. – Она покачала головой. – Езжай-ка ты к себе, авось дотянешь. Я уж не пойду, тяжело.

– Вы даже не представляете... – промямлил я сквозь слезы.

Лифт распахнул дверь.

– Дай Бог тебе здоровья, – сказала старушка, и снова начала: – Что же это творится-то, Господи...

Не осталось у меня сил выносить это мучение. Я ввалился в кабину, ткнул в кнопку этажа, и сосредоточился на том, чтобы при подъеме не стошнило. Все вокруг плыло, качалось, скрежетало. Как попал в квартиру, уже совсем не пом-

ню, да и не важно это.

Я брел мимо метро сквозь начинающий редеть дождь и прокручивал в голове этот эпизод. Не было с тех пор со мной ничего подобного. Почти стерлось и это, смешалось с чередой множества пробуждений, сотворенных мной после того случая. Каждый раз нарушалась начавшая было выстраиваться закономерность, все откатывалось к тому, что есть люди, и есть деревья у них в головах. И есть человек, у которого дерева нет.

Я заметил алую вспышку, когда до нее еще было очень далеко. Она мелькнула впереди, похожая на яркий осенний клен среди зеленого леса, и меня потащило к ней, словно магнитом. Из метро, пульсируя в такт прибывающим поездам, выплескивалась толпа. Я попал в самую гущу, боролся с потоком, прорывался вслед за сиянием. Когда стало свободнее, я смог разглядеть обладательницу сокровища – щупленькая девчушка, наверное из института, как и я, шла одна.

Она быстро шагала, уверенно занырявая в свободные пространства между людьми, я едва за ней поспевал. Молодец, все делает правильно. В такой час нельзя задерживаться, плестись нога за ногу, лучше поскорее домой, а там и отдохнуть. Все торопятся к семьям, главное – не выделяться из толпы, не привлекать внимание всяких оборотов.

Уже начиная ощущать притяжение цветов, я успел задуматься: это может оказаться очень сложным. Мне никогда

не доводилось пробуждать дерево в таких условиях. Я ведь обычно выбираю места, где много людей, так вероятность больше. Час пик, толпы на тротуаре, в метро, в автобусах. Мне же нужен очень короткий контакт, не всегда даже физический, часто хватает лишь слова или взгляда. А сейчас получается так, что до решающего момента есть время, и это страшно, потому что я могу не успеть. Я подозревал, что рано или поздно окажусь в такой ситуации. И теперь понял, как мне везло до сих пор. Сейчас, когда до пробуждения оставалось совсем недолго, а я уже болтался как рыба на крючке, мысль о том, что все может сорваться, вызвала во мне дрожь.

Я должен успеть!

Я ускорил шаг, замелькали лица, любые другие деревья стали казаться какими-то недоразвитыми, не заслуживающими внимания. Наткнулся на кого-то, меня громко окликнули, злобно, требовательно. Но я сейчас слабо понимал смысл слов.

Я был очень близок. Бывало, я терял ее из вида на доли секунды, но она вновь появлялась. Вдруг до меня дошло, что ее дерево чем-то отличается, выделяется, и это не следствие моей нацеленности на него. Чем ближе я оказывался, тем яснее видел, что на нем слишком много цветов. Словно даже листья превратились в них, делая дерево больше похожим на букет. Я окончательно потерял контроль. Будто арканом меня подтягивало все ближе, я уже слышал нашептывание, которое скоро превратится в формулу пробуждения.

Девушка обернулась. Тревога промелькнула в ее глазах, шаг сделался резче. Я почти бежал, смотрел на нее, забывая моргать. Она остановилась на мгновение у края тротуара, стрельнула взглядом по машинам и побежала на ту сторону. Я не мог повернуть головы, просто шагнул следом, не слыша визга тормозов, гудков, отборной ругани из открытых окон. Девушка оглянулась на меня, она уже что-то для себя решила, и я с ужасом подумал, что ничего не получится. Поздно было что-либо менять, я почти утратил способность логически мыслить, однако страх потерять эту возможность заставил меня немного протрезветь.

Я должен успокоить ее. Никогда мне не приходилось общаться с человеком перед пробуждением. От меня требовалось только исполнить таинство, применить формулу пробуждения в тот же миг, как она сформируется в голове. Если я заговорю с ней, все может измениться. Это тоже пугало меня, как и любая неизвестность, но инстинкт говорил мне, что это меньший кошмар, чем тот, что ожидает меня в случае окончательной потери этого шанса.

– Пойдите! – воскликнул я, задыхаясь.

Она чуть не споткнулась, но страх гнал ее дальше. Я сбился с шага, заставляя себя остановиться.

– Мне только нужно спросить... – прокричал я, теряя надежду.

Девушка решила обернуться. Я стоял, разводя руками, в полной растерянности. Я не видел выхода, не знал, что го-

ворить, что делать. Отчаяние охватило меня, и даже багровое пламя, цветущее в ее голове, не могло придать мне уверенности. Она смутилась и остановилась в нескольких шагах от меня. Мои слова все-таки нарушили поток гнавшего ее страха.

Должно быть, выглядел я жалко. Хорошенько политый дождем, запыхавшийся, я стоял перед ней посреди лужи, не делая попытки подойти.

– Что вам нужно?

Голос показался мне очень приятным. Нотки настороженности, подозрительности не меняли его сути. Я поймал себя на мысли, что мог бы слушать этот голос бесконечно. Как странно. Теперь мне хотелось совершить пробуждение даже не столько по зову таинственной силы, руководящей мной, а просто потому, что обладательница созревшего сокровища понравилась мне. С первого звука ее голоса. Лицо я разглядел чуть позже, когда она подошла ко мне.

– Это глупо прозвучит, но так тоже бывает. – Я спешно подыскивал слова, глядя ей в глаза. Свет фонаря зажег в них звездочки, сияющие между намокшими сосульками челки. Капюшон слетел во время бега, капли искрились на еще сухих волосах. Она была очень красива. – Просто я подумал, что если не пойду за вами, то больше никогда не увижу.

– На маньяка не похож. – Она усмехнулась, дерево качнулось в такт словам, но я знал, что связи никакой нет.

– Да я вроде и не он, – пробормотал я, понимая, что все

мое поведение в последние годы должно говорить как раз об обратном.

Я хотел что-то добавить, открыл было рот, но она спросила:

– Проводите меня?

Небывальщина. Словно в сказку попал. Не ведут себя так современные девушки. Удивление оттеснило мои опасения, и сила притяжения снова взялась за меня. Лицо девушки куда-то поплыло, смазалось, зрение непроизвольно сфокусировалось на сияющих соцветиях.

– Конечно, – промямлил я, едва владея языком.

Она качнула головой, приглашая идти. Я вышел наконец из лужи, догнал девчушку в два прыжка и осторожно, стараясь не задеть, пошел рядом. Я тупо пялился себе под ноги, жадно ловя боковым зрением малейшие колебания отяжелевших ветвей.

Вот-вот начнется.

Я почти потерял связь с тем внутренним голосом, что общается мне формулу. Я торопливо нащупывал его, прислушиваясь, боясь, что он совсем пропал. В висках застучало.

Она повернулась ко мне, посмотрела вопросительно. Она же мне что-то говорит! Но я ничего не слышу!

– Мне так неловко... – натужно выдавил я.

Она засмеялась. Мне снова повезло. В голове уже начал формироваться образ, будто проявлялась картинка на фотобумаге, медленно, одни контуры, но постепенно наливаясь

цветом, контрастом. Я сосредоточился, боясь упустить суть. Хорошо, что ноги сами идут. Хорошо, что не бежим. Все идет хорошо.

Меня прошиб холодный пот. Картинка в голове вспучилась, вздулась, налилась смыслом, обрушилась на мозг минув словесную форму.

Я должен это сделать?! Но это же чудовищно!

У меня перехватило дыхание. Я словно провалился под лед, и вроде был готов, что там ледяная вода, а оказался кипятком. Мозг взорвался в яростном протесте.

Я дернулся, отшатнулся от нее. Резко – она даже вскрикнула.

– Нет! – закричал я в ужасе, сгибаясь в судороге.

Я знал, что не смогу. Незыблемая уверенность пригвоздила меня к земле, не давая пойти на поводу у силы, тянущей меня к дереву. Меня разрывало пополам. Я заметил гримасу ужаса на лице девчонки, она всплеснула руками, будто заслоняясь, отступила и бросилась бежать. Я упал на колени, в грязь, в слякоть, лишь бы не пойти следом. Сжал кулаки – только не поползти за ней. Накатила дурнота, виски сдавило.

Из последних сил я поднял голову, попытался сориентироваться. Дом недалеко. Нужно спрятаться, забиться в нору, запереться. Девчушка скрылась в темноте, повернула куда-то, слепящее алое сияние дерева больше не било мне в глаза. Давление пошло на убыль.

Подняться удалось не сразу. Я побрел, обдирая плечом

стену дома, трясясь как припадочный. Снова стал различать лица, они шарахались от меня, пугались взгляда. Черные тени мелькали передо мной. Стена кончилась, я чуть не упал. Понял, что надо свернуть. Начало лихорадить, бросало то в жар, то в холод. Что-то текло по лицу, заливая глаза.

Вроде бы уже дверь. Да, лестница. Створки лифта, огонек вызова. Захотелось зажмуриться, настолько показался ярким.

Долго шарил по карманам в поисках ключей. Совершенно забыл, какими они должны быть на ощупь. Зазвенело, забренчало – наверное они. Упал на коврик, чуть не носом искал замок, тыкался в него наугад. Хуже, чем пьяный – скорее, дикий зверь.

Снова накатила жара. Я уже в квартире, щелкнул замок. Нужно освежиться, нестерпимо жарко. Дверь в ванную – вот она, совсем близко, всего пара шагов, только нужно попасть в проем.

Откуда в ванной окно? Какие-то мутные пятна плавают с той стороны, пульсируют, сбиваются в кучу. Большое бледное, два темных поменьше. Лицо? Откуда за окном лицо? Я попробовал взглянуться, повел перед собой рукой. Послышался звон, треск, что-то разбилось, покатилося.

Чуть позади бледного пятна, но странным образом не закрываясь им, возникло слабое свечение. Тоненькая дымчатая струйка зазмеилась вверх, расширилась, в ней появилась желтизна. Краски стали сочнее, ярче. Желтая полоска пу-

стила побеги, они тоже начали ветвиться, с каждым разом утоньшаясь. По веточкам рассыпались оранжевые бусинки, раскрылись, растопырились листочки, как язычки пламени. Крона раздулась пышным куполом, заколыхалась от неосеяемого ветерка. На самой вершине родилась красная искорка. Бутон вырос в считанные мгновения, лопнул, распахнулся багровой резной чашей. Лепестки набухли, отяжелели.

Я таращился в немом восторге на это чудо, а в голове уже кричал голос. Тот самый, что почти все делает за меня, оставляя мне только самое простое – сказать слово, пошевелить рукой. И я уже знал, что нужно сделать сейчас.

Нужно просто улыбнуться.

2007 г.

Тепло

«Димка, все-таки, козел, – думал он, стоя в толпе на платформе метро. – Сначала доверить такое дело раздолбаям, а потом говорить – где мои деньги?!»

Кольцевая вращалась, как ни в чем ни бывало, разбира-сывала людей по окраинам, как гончарный круг – ошметки глины. Он протиснулся в скрежещущий, кряхтящий дверной проем и завис в полуметре над полом, зажатый, словно конфета в кулаке у ребенка. Жарко невыносимо, сейчас расплавится.

Мысли о работе все лезли и лезли в голову, этикие настыр-ные муравьи на блюде с вареньем. Надо что-то сделать, переключиться, отвлечься. С трудом просунул руку вверх, дотянулся до регулятора громкости. Pink Floyd затопил мозг, он всегда включал The Division Bell по пути домой. Осталось только закрыть глаза и отрешиться от толчеи, от пинков, от гримас.

Первая остановка, надо удержаться, чтобы не вынесли. Он на секунду поддержал общее движение, чтобы его разверну-ло боком, а затем вгрызся подошвами, уперся, сжался в комок.

«Чертов час-пик! – прорвалась мысль сквозь музы-ку. – Почему бы не задерживаться на час дольше? Всегда же найдется дело, зачем терпеть этот экстрим?»

Но тут на багровом мареве закрытых век проступило лицо дочки, карапузьи огромные глазищи. Конечно, надо успеть до укладки в постель. Отцовскую сказку может отменить только цунами. Но откуда в Москве цунами?

Его снова завертело, запрессовало, швырнуло на закрытую дверь – гончар хлопнул новый шмат глины на круг.

Легкий травяной запах вдруг пощекотал ноздри. Странно четко выделяющийся на фоне адской какофонии запахов толпы аромат настойчиво требовал внимания.

Он открыл глаза.

Совсем близко от его лица мерно покачивалось в такт движению личико невысокой девушки. Неподвижными, чуть отрешенными глазами она смотрела куда-то в самую сердцевину его головы, будто могла видеть сквозь нее, или даже что-то в самой голове, в мыслях. Девушка не замечала, что он смотрит на нее. Что-то приковало ее внимание, и он заподозрил, что это имеет к нему самое непосредственное отношение.

Он тоже всегда любил наблюдать. Смотреть, но не говорить, изучать, но не объяснять. Используя момент, он решил рассмотреть ее лицо. Оно показалось ему не совсем обычным, но почему – с первого раза было не ясно.

Она не пользовалась косметикой. И не потому, что забыла, не успела, или еще по какой другой дурацкой причине. Нет, просто это было ей совершенно не нужно. Он подумал, что, возможно, косметика даже испортила бы эффект.

Крупные, ясные, голубые глаза живо блестели, и не было в них даже намека на вечернюю измученность. Нос с еле заметной горбинкой, крупный рот, мягкий овал лица. Волосы длинные, коричневые, с рыжиной ближе к концам, просто и без затей спускались ровной гладью на плечи и дальше – на грудь.

Тут не было какой-то особой утонченности, глянцевости, которая требует к себе постоянного внимания. Скорее, это была красота, предоставленная самой себе. Просто потому, что любое специальное вмешательство все испортит. И было в ее лице нечто, что он назвал бы «давней знакомостью» или «теплой узнаванностью». Сложное ощущение – он впервые столкнулся с ним и немного растерялся, оттого что не смог четко определить для себя суть.

Вдруг она моргнула и сфокусировалась на его глазах.словно что-то теплое коснулось лица. Он вздрогнул, тоже моргнул, и – не смог отвести взгляда.

Несколько бесконечных секунд они изучали друг друга. Странное это было изучение – словно притворное, потому что они давно знали все, что можно было узнать, но нужно было сделать вид, ради приличия.

Пространство начало раздвигаться. Теснота исчезла, часпик превратился в полночь, пропали запахи, шумы, выражения лиц. Точно глухим колпаком накрыло, но он воспринял это как должное и продолжал смотреть. Пока она не отводила глаз, говорить ничего не хотелось. А отводить глаза она

совсем не спешила.

«Надо же и сказать что-нибудь, – опомнился он. – А то что это за гляделки?!»

Открыл было рот, чуть шевельнул губами только, а она опередила:

– Все будет хорошо, – тихо сказала, почти шепотом.

– Почему? – изобразил он вершину глупости.

– Потому что я так сказала, – спокойно ответила она.

Его стало затягивать в ее глаза, неумолимо потащило навстречу. Сдерживаясь изо всех сил, он остановился в опасной близости, когда глаза еще могли видеть четко, и попробовал понять причину случившегося. Ее лицо заслоняло теперь весь мир, он даже не мог сказать с уверенностью, есть ли еще кто-нибудь рядом.

Тонкие струйки тепла прошли по щекам, заставили задретаться уши. Это было почти прикосновение – настолько незначительное «почти», что, будь его глаза закрытыми, он поверил бы в его реальность.

«Черт побери, – опешил он, – это же какой-то секс уже, а не гляделки. Нельзя же, в самом деле, делать это глазами!»

– И что же делать? – спросил он. Это уже было не так глупо, даже разумно.

– Просто живи. – Ее губы тронула легкая улыбка.

– Без тебя? – вырвалось у него. Нет, разумность тут все-таки совсем ни при чем.

Ответа не последовало. Только чуть более медленное мор-

гание, как будто она легонько гладила ресницами что-то невидимое.

Тут он сообразил, что до сих пор слушает музыку. Но как же он услышал ее слова? Не по губам же, в самом деле, прочитал? Никогда не умел он этого. Торопливым движением дернул за провод, наушники выпали и повисли на шее. Лишь только тишина стала еще более плотной, и вокруг все замерло, будто поезд давно стоит в депо.

«Что я делаю?! – прорвалась мысль. – Дочка, сказка, жена, в конце концов, – вот о чем надо думать! Это какой-то гипноз, не иначе».

Он попробовал отстраниться, и это неожиданно получилось. Но только даже отодвинувшись насколько смог, он был все равно слишком близко от этих голубых окон в мир тепла и тишины.

«Какое я имею право вообще смотреть ей в глаза?»

И тут он почувствовал, как знакомые уже теплые волны пробежали по пальцам. Невольно попытался ухватить частичку, но удивился еще больше – это были не волны, а ее рука. Точнее – кончики ее пальцев едва ощутимо прикоснулись к ладони. Он замер, боясь вздохнуть. А внутренний голос орал: «Бежать!»

– Не волнуйся, – сказала она, и этот голос затопил его сознание.

В этот миг его карман начал вибрировать. Не отрывая глаз от лица девушки, он вытащил телефон и только тогда испу-

гался – ведь чтобы посмотреть на него, надо будет отвернуться. Однако несколько горячих точек еще пылали на его ладони, и он выдержал. Экранчик засветился голубым, появились белые буквы.

«Пупса лихорадит. Где ты?»

Сердце стукнуло и зависло на середине толчка. В глазах заплясали красные круги. Он спешно пытался осмыслить послание. Совсем недавно они говорили, не прошло и часа. И все было в порядке. Это что-то внезапное, и от этого – непонятное, страшное, как любая неизвестность. «Где ты» – значит, она пыталась искать, но не смогла дозвониться. Значит, она в панике, значит – считает, что дело серьезное.

«Бегу, я скоро» – набрал он за пятнадцать нажатий и возблагодарил Бога за T9. Теперь каждое попусту потраченное мгновение казалось ему смертоносным. Нет ничего ужаснее, чем быть где-то в другом месте, когда твоему ребенку плохо.

«Расстояние – это время, – стучало в голове. – И оно теперь убивает».

Он зажмурился и попытался унять волнение.

– Что я сказала? – спокойно, но настойчиво спросила девушка.

– М-м? – он разлепил веки и поднял глаза. Он не понял, что она говорит.

– Что я сказала? – повторила она. Голубые глаза чуть прищурились, как бывает, когда человек не вполне верит, что его могли не понять.

– Все будет хорошо? – вдруг сорвалось с языка. Сейчас он совсем не владел собой. Он хотел остановить поезд и бежать сам, лишь бы сильнее контролировать ситуацию.

– Ага, – кивнула она. Волосы легко колыхнулись, и его обдало волной травяного запаха.

Этот короткий кивок и еще более короткий звук оказали необычное действие. Тревога сразу пошла на убыль, начала стираться, как запотевшее пятнышко на холодном стекле. Вновь вернулось осязание, и он даже не удивился, когда обнаружил, что ее пальцы по-прежнему касаются его руки.

«Какая сейчас остановка? – он завертел головой, будто в темном туннеле можно было что-то узнать. – Надо выходить, надо бежать. Как они там?»

– Тебе выходить, – сказала девушка.

Он сделал шаг к двери, поезд уже останавливался. Повернулся, но руке было все еще тепло. «Неужели, она пойдет за мной? – удивился он. И вдруг подумал: – Как это было бы чудесно!» Он не ожидал от себя такого поворота. Оглянувшись, он увидел ее лицо, светящееся спокойствием, теплом и заботой. И снова его потянуло к ней. Душа рвалась напополам, словно ветер дул сразу в две противоположные стороны, а он стоял в месте пересечения воздушных потоков, беспомощный и растерянный.

Она чуть нагнула голову и посмотрела исподлобья:

– Иди, – и руке стало холоднее, прикосновение исчезло.

Навалилась тяжесть, снова откуда-то обрушился шум,

грудь сдавило, и мощный поток вынес его из вагона. В стремительном движении он даже не сумел обернуться. Только перед мысленным взором все еще покачивалось в такт движению ее лицо. А из ноздрей улетучивался последний клочок аромата травы.

Он продирался сквозь толпу, как танк через орешник. Бежал по эскалатору вверх, и все, кто бежали впереди, уступали дорогу – он был быстрее. В голове вертелась безумная смесь обрывков мыслей – и буквы тревожного сообщения, и странно бьющие в самую глубину слова девушки, и отголоски паники и удивления своими же поступками.

В спешке он даже не тратил время на телефон. Ему показалось, что если он наберет номер жены, то услышит что-то еще более страшное, чем слова о внезапной лихорадке. И если он будет говорить на ходу, то это замедлит его.

Ключи звякнули в руке, не желали попадать в замочную скважину. Дверь щелкнула, провалилась внутрь – не была заперта. Жена открыла, услышав, как он завозился на площадке. Он посмотрел на нее с тревогой, но увидел совсем не то, что ожидал. Ни мокрых ручьев по щекам, ни растрепанных волос, ни дрожащих губ. Она была спокойна, но это спокойствие было каким-то растерянным, удивленным, словно она сама от себя не ожидала такого состояния.

– Что? – спросил он с порога, вкладывая в это слово все возможные вопросы.

– Все хорошо, – с некоторым сомнением в голосе ответила

жена.

– То есть? – он уронил куртку на пол.

– Все прошло.

– Когда? – он яростно содрал с ног кроссовки.

– Да вот несколько минут назад. Странно как-то. Как рукой сняло.

– Где она? – спросил, и сразу стало стыдно.

– Спит, – ничуть не удивившись, ответила жена.

Он подошел к плотно закрытой двери в детскую. Прохладная ручка обожгла разгоряченную ладонь. Чуть толкнул, мягко приоткрыл щелочку. В сумраке темнела головка на подушке. Он прошел осторожно, приблизился, наклонился. Медленное, чуть слышное сопение яснее слов говорило о крепком и здоровом сне малышки. Он потянул руку, легонько коснулся лба, шевельнул пушистую челку. Лоб был сухой и совсем не жаркий.

2007 г.

Чутьё

В жаркий майский день все норовят сбежать из школы как можно быстрее. Едва успокоится эхо звонка в коридорах, а из главного входа уже вырывается на волю лавина галдящей ребятни. Вот и сейчас, спустя всего пять минут, в школьном дворе уже почти никого не осталось.

Назар стоит на крыльце школы, глаза зажмурены, крепко сжатые кулаки прячутся в карманах джинсов. Солнце бьет в лицо, горячит щеки. Назар изо всех сил делает вид, что стоять вот так, загорать и никуда не тропиться после занятий – самое важное дело в его жизни. Однако это не так, и мелкий влажный бисер, покрывающий лоб, вызван вовсе не жарой.

Назар напуган. Напуган настолько, что еще чуть-чуть, и кулаки брызнут кровью – так сильно врезались ногти в ладони.

Он мог бы найти рукам применение. Например, заткнуть уши. Или зажать нос. Вот только выглядеть это будет, прямо скажем, непонятно для окружающих, да и смысла особенного нет. Прошлые попытки ослабить ощущения ни к чему не привели, а возможности усмирить осязание и вкус у Назара сейчас нет. Так что все равно получилась бы полумера. Лучше уж постараться не привлекать к себе внимание и просто перетерпеть.

А терпеть ой как трудно! Если бы так было в первый раз,

Назар сам позвонил бы и сдался санитарам, но весь фокус в том и заключается, что дошел он до такой жизни постепенно и заподозрил неладное далеко не сразу. А теперь, похоже, он влип уже так, что никакие санитары не помогут.

Если мы спросим его, он затруднится ответить, когда это случилось с ним в первый раз. Но можно предположить, что случай с сигаретой был одним из первых.

Когда Колян, явно желая выпендриться перед другом, деловито вытащил сигарету и сунул в рот, Назар сразу понял, что за этим последует. А последует его, Назара, жгучее желание непременно доказать, что и он не просто так землю топчет, а очень даже что-то такое тоже может.

Назар прекрасно себя знал, да и Колян совершал подобные провокации не впервой. Взять, хотя бы, то катание на велике, после которого оба ходили в гипсе, как братья-близнецы. Поэтому Назар отнесся к появлению сигареты в зубах приятеля гораздо спокойнее, чем тот рассчитывал. Он просто протянул руку, требуя вторую.

Результат, правда, оказался несколько неожиданным. Едва оранжевая в крапинку поверхность фильтра коснулась назаровой губы, язык ошпарило таким мерзостным вкусом, что чуть не стошнило. С перекошенным ртом Назар выпучил глаза на Коляна и принялся вертеть пальцем у виска. Сказать что-либо вслух он не мог. Колян нахмурился, проводил взглядом упавшее в мартовскую слякоть добро, а затем по-

интересовался:

– Ты чо?

Назар помотал головой, словно вкус можно было так просто вытряхнуть. Дар речи вернулся, и он ответил:

– Да ну нафиг! И тебе не советую. – И еще ногой на сигарету наступил, для пущей убедительности.

Колян больше претензий не предъявлял – в одиночку быть крутым ему показалось приятнее.

А дальше было еще хлеще. В следующий раз Колян раздобыл где-то банку пива. Назар так и не понял, как ему удалось. Вроде совсем еще пацан, такому не продадут, старших приятелей нет, а стащить из дома – так хватятся сразу, у них с этим строго. Колян хранил тайну, как Кощей свою смерть, а Назар поудивлялся для порядка, да бросил.

Опасаясь очередного вкусового выкрутаса, Назар только слегка пригубил, язык обмакнул. Катастрофы не случилось, он уже было собрался облегченно вздохнуть, но беда пришла, откуда не ждал – пена хлынула из теплой банки, уделался весь, хоть выжимай. А запах-то сами знаете какой. И еще холодно, весна только-только занялась. Метнулся Назар домой, благо рядом, да только войдя в квартиру и допетрил, что мать дома.

Давненько он себя так мерзко не чувствовал: вроде и в рот-то не взял ни капли, – ну почти, конечно, – а вид как у бомжа последнего, и вонища. Мать молча стояла и смотрела, а Назар глаз отвести не мог, словно его на копье насадили.

И стало ему вдруг жутко холодно, аж волосы дыбом и кожа пупырьками. И чем сильнее мать хмурилась, тем сильнее холод пробирал.

Так и раскололся Назар, все как есть выложил. Коляна заложил, происшествие посекундно расписал.

– Раздевайся, чего уж теперь, – сказала мать, и улыбнулась. Кривенько так, но без злости.

Озноб как рукой сняло, Назар даже момент не уловил. Просто вдруг стало все как обычно – теплый дом, заботливая мать, замызганный, но прощенный сын.

Потом, конечно, начал понимать, что все эти ощущения возникали не просто так. И до того не просто, что как только он это понял, сразу зарекся пытаться кому-нибудь объяснить.

Причем, одно из этих ощущений как раз и убедило его, что не стоит пытаться.

Проснулся он как-то несколько дней спустя, а из кухни уже завтраком пахнет – хлебом из тостера, кофе. Кое-как умылся, прыгнул за стол и давай бутерброд сооружать. Мать какао предлагает, а когда он отказывался-то? Поставила перед ним кружку. Ароматная, паром исходит, тепло так и струится. Назар чуть отвлёкся, уж больно бутерброд многоэтажный выходил, а когда руку к кружке наконец протянул, чуть со стула не слетел.

Молочная пенка уже успела затянуть поверхность, и все бы ничего, да вот только видит Назар, что она синего

цвета. Он глазами-то стрельнул – мать улыбается, ждет, когда сын лакомство любимое пить будет. А у него рука будто упёрлась во что-то, не может взять, хоть ты тресни. И во рту привкус нехороший. И пониже спины – чешется. И надо бы сказать что-то, а слова не идут.

Кое-как выдавил:

– Мам, а чего это с молоком?

– Нормально все, – говорит, – а в чем дело?

И тут словно надоумил кто:

– Плохое молоко, – отвечает Назар.

Мать, не долго думая, взяла, да и проверила дату на пакете – точно, просроченное. Вылила в раковину тут же, конечно. Смотрит на Назара, недоумевает:

– А как ты догадался?

Назар рот открыл, а сказать и нечего. Не про синюю же пленку, не про зуд в заднице? Это же полный бред, если подумать.

– Почувствовал просто что-то, – ляпнул он.

Мать только хмыкнула, а что тут скажешь?

С тех пор и пошло по несколько раз в день. Чуть что не ладно, у Назара что-то начинает бунтовать внутри. И никакой системы, что удивительно.

Спросил он у матери, купила ли она уже подарок ему на день рождения. А она отвечает с серьезным видом:

– Рано еще, куда ты торопишься?

А Назар чувствует вдруг, что воздух будто карамелью про-

питан, сладкий туман так в ноздри и тычется. И ведь нечему так пахнуть в доме, а запах жутко настойчивый, самый что ни на есть реальный. Тут и догадался Назар, что это ее слова так пахнут.

Сначала догадался, а потом опомнился: что за ерунда в голову лезет? Не могут же слова пахнуть! Но если пахнут, да еще приятно, то что это значит? А то, что скрывает она что-то, но это что-то – хорошее.

«Значит, купила», – решил Назар и хитренько улыбнулся. Мать, конечно, не проговорилась, ну да и не больно-то теперь ему это было нужно. Он ведь уже знал ответ.

А вот сейчас Назару страшно. Стоит он, якобы греется на крыльце, но точно гигантская жаба лапой его лицо ощупывает. Мерзкое, скользкое, холодное прикосновение. И слабость в ногах – еле удастся стоять прямо. А глаза закрыты, потому что видеть мутный фиолетовый туман как раз там, куда ему нужно бы сейчас идти, уже совсем нет никакой мочи. Нос уже чешется от запаха перегретого машинного масла, но это терпимо, а противный, ехидный смех, назойливо лезущий в уши, иначе как издевательством не назвать.

«Атака по всем фронтам», – думает Назар и еще сильнее зажимается, кулаки сжимает до хруста.

«Прихожу домой, звоню в психушку», – мелькает мысль, но Назар старается ее отогнать.

«Сейчас все пройдет», – убеждает он себя, но лучше не

становится.

«Нужно что-то делать, – взывает его разум. – Не могу же я тут стоять до вечера?»

«Дома всяко спокойнее, – заманивает он себя. – Идти недалеко. Запереться, голову под подушку, одеяло сверху, плеер в уши, жевачку в рот, и не шелохнуться».

Сценарий кажется ему неплохим, Назар даже замечает, что дрожь в коленях слегка ослабла.

Он приоткрывает один глаз и максимально непринужденной походкой спускается с крыльца. Фиолетовая муть будто тянется к нему, хочет заглотить разом. Он погружается в туманные разводы, идет медленно, как ночью по темной улице, ловит очертания домов, силуэты людей и машин.

Справа проплывает черное жерло подворотни, веет сыростью. Из тумана высовывается рука, хватая Назара за плечо и тащит в темноту. От неожиданности он открывает и второй глаз, руки выпархивают из карманов, чтобы удержать равновесие. Его тащат дальше, на ватных ногах он чуть держится, едва не падает, но его хватают за ворот и прижимают к холодной каменной стене. Из сумрака выдвигается ухмыляющееся лицо:

– Что тут забыл, ты, мелочь? – судя по голосу, старшеклассник. Что-то знакомое слышится Назару в его речи, даже сквозь шелест ехидного смеха в ушах.

– Где я? – срывается с языка, и только потом Назар понимает, что вопрос самый дурацкий из всех, что могли прийти

ему в голову.

Мрак подворотни взрывается смехом в несколько глоток – тут явно прячется целая банда.

– Уже не важно, – хамским тоном заявляет тот, первый.

– Ты не бойся, мы тебя не больно зарежем, – говорит кто-то справа, и следует очередной взрыв хохота.

Назар начинает медленно сползать по стене, его тянет, будто магнитом. Его вздергивают за ворот, затылок больно прикладывается о битую штукатурку. Это приводит к неожиданному эффекту – туман рассеивается, но лица хулиганов вдруг наливаются глубоким красным светом, как уголья, Назар чувствует жар на лице.

Ближайшее пылающее пятно дергается навстречу, в правую скулу врезается кулак. Затылок бьется о стену, двойной заряд боли застилает белой пеленой глаза. Уши забивает нестройный гогот. У кого-то из них ломается голос, он пускает петуха – не настолько-то они его и старше. Назару становится еще противнее, он так незащищен, что готов растечься в кисель.

Неожиданно он чувствует щекотку на кончике носа, словно муха села. Дергает головой, чтобы прогнать. Тут же левую щеку обдувает ветерком, в стену около уха бьет кулак. Подворотня оглашается диким криком пострадавшего хулигана. Назара снова хватают и валят на землю, навстречу ботинкам и кроссовкам. После первого удара он теряет сознание.

Кто может понять, что мы чувствуем? Можем ли мы вообще быть уверенными, что другие люди чувствуют то же самое, что и мы? Мы не телепаты, чтобы передавать эмоции во всей их незамутненной четкости. Нет, нам надо сформулировать фразу, слепить корявые слова из звуков, сделать так, чтобы их кто-то услышал. И мы никогда не можем быть уверенными, что услышанное будет понято именно так, как мы хотели. Что в голове слушателя родится тот же самый смысл, который мы старались вложить в произносимые слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.